

Юлия Пискунова

Перевернутая чашка

Север... Во временном посёлке золотодобытчиков, где я родилась, видимо, закончилось золото. Родителей — тоже золотодобытчиков — отправили в другой посёлок Магаданской области, в посёлок Горный.

Папе с мамой дали жильё, вросший в землю старый дом с «глазком» в железной двери, разделяющей комнаты. На двери имелось и откидывающееся окошко с решёткой. Говорили, что раньше в этом доме заключённым выдавали паёк. Я могла играть с этим «глазком» часами, закрывая и открывая отверстие:

— Тщук-псих-тщук-псих, — пел круглый «закрываашник».

Папа работал на бульдозере, а мама устроилась в котельную, кидать уголь в большую печь. Мама рассказывала, что это очень важная работа, потому что она даёт тепло всем домам в посёлке. Меня определили в детский сад. Правда, там я не понравилась воспитательнице из-за того, что в самом начале моей «карьеры» не поделила с её дочкой казённую куклу.

Когда в детском саду случился «Праздник Деревьев», каждому ребёнку сказали выбрать дерево и, сделав костюм этого дерева, рассказать про него стихотворение. Я выбрала берёзку. Но воспитательница сказала, что с моим «туловищем нельзя быть берёзкой и что лучше выбери дубок».

Вечером мама пришла в садик за мной, и я бросилась к ней с рыданиями и сообщила о беде, — о том, что чувствую себя в душе берёзой, а мне навязывает какой-то дубок. Мама поговорила с воспитательницей и на празднике я всё же была берёзкой. «Деревьям» полагалось исполнить песню про «своё» дерево.

— Ми-ми-ми-ми-рее-до-до-сии-ляя», — затянула «берёзка», то есть я, выучив в свои шесть лет ноты по самоучителю.

— Пой словами, а не нотами! — шипела Белла Мазасповна из-за ширмы. С того дня я и перестала петь песни вслух, особенно словами.

В эти беззаботные времена я была «спасателем» мышат: если находила их, маленьких, без мамы-мыши, в теплотрассе, то забирала тайно домой и кормила. В один из выходных, папа взял инструменты и пошёл за дом, где находился небольшой участок земли.

— Так-так-так!», — стучал молоток.

— Жу-же-ли-ца! — отвечала пила. Папа строил «питомник» для мышей, с настоящей дверью, застеклёнными окнами и маленькой мебелью.

Несколько лет мы с подружками играли тут в «войнушку» и «резиночки», жевали гудрон и шили новые костюмы для мышей, вдохновлённые журналом «Бурда-мода». Летом мы с

родителями «доили» на сопках иван-чай, собирали голубику, бруснику, шиповник, грибы и шишки.

С какого-то момента с продуктами питания на Севере стало совсем худо. Продукты стали выдавать в обмен на талоны, их давали родителям вместо зарплаты.

— Зззз-нзззыыы-ззы-ззы, — сама для себя пела муха, попавшая между оконных рам магазина.

Как-то мама «поскребла по сусекам» (то есть залезла во все карманы курток, шуб и пальто, во все сумки и полки, насобирала несколько копеек), пошла в магазин и купила две маленькие сморщенные свеклы.

— Сейчас будет борщ!» — напевала она, доставая кастрюлю.

— Орщщ», – вторили с братом Серёжей, будто эхо, и хохотали от восторга.

Мама разрешила свеклу напополам. Свекла оказалась гнилая. Мама сказала, что ничего страшного, есть еще одна. Но вторая тоже оказалась гнилой. Тогда мама положила четыре половинки на стол, села на табуретку и тихо заплакала, отвернувшись к стене.

— Новые песни придумала жизнь... Не надо, ребята, о песне тужить, — тихонько запел брат любимую песню, — не надо, не надо, не надо, друзья...

Мама повернувшись к нам, улыбнулась и стала подпевать:

— Гррренада, Гррренада, Гренаааада моя!

Но самой скучной едой казался «суп космонавтов». Мы Серёжей не желали есть его на обед из-за подозрительных серых кружочков, которые из маленьких превращались в большие, разбухая. Но мама рассказывала, интересные истории про космонавтов и про то, что этот суп они едят на космических кораблях.

— Если вы будете есть этот суп, то станете смелыми, как они, — утверждала мама. Поэтому мы его ели. И действительно, были с Серёжей смелыми. Например, если во время прогулки видели медведя у городской свалки, то просто тихо разворачивались и шли домой — делали так, как велели родители.

Однажды, ранним вечером, когда стали зажигаться фонари и звёзды, мама уложила нас спать и стала читать «Голубую чашку» Гайдара.

Как только мама ушла, мы с братом вскочили с кроватей, встали на цыпочки у окна и подули на снег, — пушистый ледяной мох, выросший на него.

Казалось, что звёзды серо-голубом небе поют, а снежинки им подыгрывают, тихо звеня серебром: «Тсссссс...».

— Серёжа, смотри... Звёздочки похожи на кружочки из «супа космонавтов», а небо — на бульон в чашке! Только она перевернута вниз головой, но ничего не проливается на землю! — зашептала я брату на ухо.

— Только бы никто не разбил эту чашку! — ответил Серёжа, — она у нас одна.

Заяц Пушкина

Мужик, что меня подобрал, не был похож на дальнбойщика, каким я себе их представлял. А представлял я их в поношенном свитере или спортивных штанах.

Чёрное пальто, чёрная рубашка с брюками и бакенбарды, как у Пушкина. Я его про себя так и прозвал Пушкиным. Мы как-то сразу перешли на «ты», в дороге все родные.

— И давно ты так, брат...? — спросил я извиняющимся оном. Мне было почему-то неловко назвать своим именем эту работу. Наверное, потому что отец всегда говорил:

— Не окончишь академию, станешь таксистом или дальнбойщиком.

— Давно ли я работаю дальнбойщиком? — запросто спросил Пушкин и засмеялся. — А что, ты думаешь это плохая работа? Едешь и медитируешь на дорогу, никто за спиной не стоит. Главное не задавить никого. А то зайцев знаешь сколько тут бегают, через дорогу!

— А что, приходилось давить животных? — спросил я, полагая, что автостопщики обязаны всю дорогу вести беседы с водителями.

— Однажды чуть не задавил. Заяц пробежал не вовремя. Так я — по тормозам! Вышел из машины, смотрю — живой, слава богу. Он так ошалел от испуга, что сидел ещё десять минут на месте, у моей ноги. Хромать стал, правда.

— А что, плохая примета зайцев давить? — заинтересовался я.

— Да нет, просто батя мне в детстве всегда подарочки от зайца приносил. То шишку, то горсть голубики. Белый гриб красивый, помню принёс, ароматный такой... Потом бати не стало и заяц перестал мне подарки передавать. С тех пор я и почувствовал себя взрослым. Быть взрослым, стало быть — это когда никто подарки от зайчика не приносит.

Пушкин и вздохнул, продолжил:

— Теперь я сам детям привожу подарки от зайчика. Но не всегда. Решил так: стану передавать подарки, только когда сам увижу в лесу зайчишку. Увижу – вспомню отца, остановлюсь на обочине, пойду найду что-то особенное в лесу для детей... Нельзя мне давить зайца. А то не будет в жизни больше ничего хорошего, радостного. Сын мой, когда меня не станет, поедет в лес, а зайцев и нет. Как он посмотрит в глаза своим детям?

Пушкин помолчал и добавил, заразительно улыбаясь:

— С того зайца, которого я чуть не задавил, всё самое интересное и началось! Взял я его домой, чтобы передавленную лапу подлечить. Вылечил. А потом куда его? Лес его уже не

примет. Я и открыл частный зоопарк. Сначала маленький такой зоопарк... Потом люди стали отдавать мне экзотических животных. Потихоньку я сам стал покупать больных животных с других зоопарков, выхаживать их. Тигр есть, медведь, много кого... Директор зоопарка я. Сейчас вот слона перевожу, машину в аренду взял...

Вот такой брат Пушкин мне встретился, директор зоопарка.